

Г. Х. фон Вригт*
 АНАЛИТИЧЕСКАЯ
 ФИЛОСОФИЯ:
 ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЙ
 ОБЗОР

VIII

В тот год, когда Венский кружок опубликовал свой манифест, Витгенштейн вернулся в Кембридж. Здесь в 1930-е годы он разработал «новую философию». Ее описание не входит в мои задачи. Меня интересует прежде всего ее влияние на аналитическое движение.

Мышление позднего Витгенштейна радикально отличается от мышления Рассела. И личные отношения двух мыслителей стали более прохладными. Рассел в период после Второй мировой войны воспринимал эволюцию Витгенштейна как ухудшение, а его влияние — как несчастье для философии.

Дух *wissenschaftliche Weltauffassung* Венского кружка всегда был чужд и неприятен Витгенштейну. Но благодаря «Трактату» он сам способствовал укреплению этого духа. В начале своей новой карьеры в качестве философа его мышление, по крайней мере тематически, также было тесно связано с тем, что происходило в Вене [см. 30]. Детально прояснить эти связи — настоящая задача для историка философских идей. Большая часть работ Витгенштейна, написанных в период, который называют «средним», все еще ждет своей публикации.

Несмотря на различия по духу между Венским кружком и Витгенштейном начала 1930-х годов, стоит обратить внимание на их сходство в вопросах этоса. По описанию Мура, посещавшего тогда лекции Витгенштейна, последний всячески подчеркивал новизну своего *метода*. Он говорил, что этот метод произведет изменение в философии, сопоставимое с переворотом, совершенным Галилеем в физике, и изменениями, имевшими место

© Макеева Л. Б., пер. с англ., 2013

* Продолжение, начало см. в: *Кантовский сборник*. 2013. 1(43). С. 78–89.

Перевод выполнен по изданию: *Wright von G.H. Analytic Philosophy: a Historico-critical Survey // Wright von G.H. The Tree of Knowledge and Other Essays*. N.Y. : E.J. Brill, 1993. P. 25–52.

в химии после отказа от донаучной алхимии [10, р. 322]. Для второго переворота, произведенного Витгенштейном, было характерно и сходное ощущение того, что достигнут поворотный пункт в истории мысли. Данный переворот известен как «философия обыденного языка». Сборник, изданный приверженцами этого нового движения, имел название «Революция в философии». В определенных аспектах его можно считать аналогом манифеста, опубликованного Венским кружком четверть века назад.

Хотя эта вторая революция была зажжена искрами из Кембриджа, ее полное воспламенение произошло в Оксфорде. У меня сохранились яркие воспоминания об этом. Когда я посетил Оксфорд незадолго до начала войны, там еще была сильна идеалистическая традиция. Альфред Айер, с которым я встретился тогда в первый раз, казался заморской птицей. Витгенштейн воспринимался почти как мифическая фигура; Рассел и Мур не имели почти никакого влияния в Оксфорде. Когда же я возвратился туда восемь лет спустя, я столкнулся с совершенно переменившейся ситуацией. Имя Витгенштейна было у всех на устах, однако, не как автора «Трактата», а как автора «Голубой и коричневой книг» и как известного преподавателя, чьи лекции в Кембридже удавалось посещать некоторым счастливицам.

Оксфордским философом, в наибольшей мере способствовавшим этому изменению общей атмосферы, был несомненно Гильберт Райл. Книга Айера «Язык, истина и логика», вероятно, лучшее популярное изложение идей логико-позитивистского и эмпирического движения в философии, вышла за несколько лет до войны, но ее влияние в Англии, насколько я могу судить, было незначительным. После войны Айер переехал в Лондон.

Как свидетельствует название «философия обыденного языка», новый вариант аналитического движения был мало связан с логикой и философией науки. В этом он сильно отличался от того типа мышления, который воплощали Рассел и логические позитивисты. Он был более близок к мышлению второго отца-основателя Кембриджской школы анализа — Мура¹. Подобно Муру, оксфордские аналитики интересовались прояснением поверхностной структуры языковых выражений в их обычном употреблении, а не «формализацией» средствами логики глубинных структур математического и научного мышления.

Как такое занятие обыденным языком может быть философски значимым или даже интересным? Критики нового направления отрицали, что оно может представлять интерес для философии, и усматривали в подобных притязаниях путь к полной тривиализации философии. Среди критиков был и Рассел.

На деле не так-то просто ответить на это обвинение в иррелевантности. Вероятно, можно сказать следующее: чтобы представлять философский интерес, занятие обыденным языком должно иметь целью разрешение некоторого затруднения или загадки, которые уже признаны в качестве *философской* проблемы. Этому условию в полной мере отвечала пользующаяся заслуженной славой и влиянием книга Гильберта Райла «Понятие созна-

¹ Здесь, конечно же, есть различия. Мур никогда не пользовался влиянием в Оксфорде. Видимо, можно было бы сказать, что он мог бы иметь там влияние, не затми его Витгенштейн, вдохновляюще воздействовавший на интеллектуальную атмосферу Оксфорда.

ния». Ее тема, как ничто другое, является «философской». Работа посвящена природе психического и содержит критику того, что автор называет картезианским мифом «духа в машине». В предисловии к книге новый метод или способ разрешения проблем описывается так: «Философские аргументы, которые составляют эту книгу, нацелены не на увеличение осведомленности в этой области, а на прояснение и очищение логической географии уже имеющегося у нас знания» [38, с. 19]. Не открывать новые истины, но разъяснять (старые) значения — вот задача философии.

Философ, которого, видимо, следует признать наиболее заметным и оригинальным представителем послевоенной оксфордской философии, Джон Лэнгшоу Остин, являет собой более сложный случай. Он умер относительно молодым в 1960 году. Я бы назвал его *doctor subtilis*² этой новой разновидности схоластики, сравнив его *mutatis mutandis*³ с другим оксфордским философом, жившим на шесть с половиной столетий ранее. Остин был непревзойденным мастером в обнаружении концептуальных оттенков словоупотребления, обойдя, я бы сказал, в этом самого Витгенштейна.

В отношении Остина, однако, не всегда ясно, имеют ли его концептуальные замечания о языке какое-либо философское значение. Сам он видел в своей аналитической деятельности начало *лингвистической феноменологии*. Это уже не философия как таковая, но один из многих ее продуктов, «истинная и всеобъемлющая наука о языке» [1, р. 132]. Ее зарождение похоже на начало многих других наук, например физики в XVII веке или психологии и социологии в XIX веке. В своей статье с характерным и остроумным названием «Ifs and Cans»⁴ Остин писал: «Тогда мы сможем избавить себя еще от одной части философии (что вряд ли причинит ей большой урон) единственным способом, которым мы только и можем от нее избавляться, — продвигая ее ступенью выше» [37, с. 261]. Имеет смысл сопоставить это высказывание с заключительными словами из статьи Шлика о повороте философии.

IX

Философия обыденного языка переживала расцвет в Оксфорде с конца 1940-х до начала 1960-х годов. Безвременная кончина Остина, безусловно, способствовала ее закату. Важную роль также сыграла жесткая, отчасти крайне несправедливая, критика со стороны Эрнеста Геллнера [7]. Но еще долго после утраты этой философией своего бывшего влияния Оксфорд продолжал оставаться Меккой, куда со всего мира стекались философы-пилигримы, чтобы познакомиться с новым видом аналитической философии, который своими корнями был связан с поздним Витгенштейном.

Независимо от Оксфорда эта философия начала проникать и в Соединенные Штаты. Благодаря Макссу Блэку и в особенности Норману Малкольму Корнельский университет стал центром витгенштейнианской фи-

² Тончайший доктор (лат.) — почетное прозвище Дунса Скота. — *Примеч. пер.*

³ С соответствующими необходимыми изменениями (лат.). — *Примеч. пер.*

⁴ На русский язык название этой статьи переведено как «“Если” и “могу”». Оригинальность английского варианта состоит в том, что английские аналоги слов «если» и «могу» употреблены во множественном числе. — *Примеч. пер.*

лософии, влияние которой вскоре распространилось по всему американскому континенту. Оба философа учились в Кембридже до войны. Малкольму, возможно, лучше, чем кому-либо еще, удалось переплавить воспринятые им идеи Витгенштейна и Мура в оригинальную философскую концепцию.

Между тем в США укоренилась и аналитическая философия логико-позитивистского и эмпиристского характера. Немалое содействие этому процессу, нужно сказать, было оказано философами и логиками из Центральной Европы, которые избежали физического и духовного порабощения в своих родных странах. Достаточно только упомянуть несколько наиболее выдающихся имен: Рудольф Карнап, Ганс Рейхенбах, Карл Густав Гемпель, Густав Бергманн, Герберт Фейгль, Курт Гедель и Альфред Тарский.

В Соединенных Штатах, однако, уже существовала собственная традиция, близкая к аналитической, представленной Расселом и логическими эмпиристами. Ее центром был Гарвард, а ведущими фигурами — К. И. Льюис и Уиллард Ван Орман Куайн, который был на 25 лет младше Льюиса. Оба были связаны с гарвардской традицией американского прагматизма. Из двух его классиков, Уильяма Джеймса и Чарльза Пирса, второй, в сущности, вполне может считаться еще одним отцом-основателем аналитической философии — наряду с Расселом и Муром, а также стоящим за ними Фреге. Влияние Пирса все еще продолжает расти.

Когда исследуешь современное состояние аналитической философии, поражаешься двум вещам.

Во-первых, хотя в целом это движение распространилось по всему миру и культивируется отнюдь не только в англоязычных странах, оно в основном продолжает оставаться проявлением англо-американского культурного влияния. Первая большая волна этого движения — логический позитивизм и эмпиризм — зародилась в Центральной Европе, но его развитие сдерживалось внешними силами. Как уже отмечалось выше, потребовалось удивительно много времени, чтобы оно вновь восстановилось в правах на европейском континенте. Объясняется это существованием в Германии, а также во Франции, философских традиций, таких, как гегельянство и феноменология, которые более приспособлены для выживания в этих странах. Еще одной причиной, возможно, служит то обстоятельство, что аналитическое направление на континенте всегда было «периферийным» как в географическом, так и духовном смысле. По большей части сфера первоначального влияния этой философии оставалась до недавнего времени под удушающим прессом марксистско-ленинской идеологии. Сейчас же, когда эта интермедия подошла к концу, видимо, есть основания ожидать возрождения аналитического мышления в некоторых из стран, которые внесли вклад в его ранее развитие. Это согласуется с их поиском «корней» и «национальной идентичности».

Вторая вещь, поражающая при рассмотрении аналитической философии наших дней, это ее крайняя разнородность. Что считать сегодня «аналитической философией»? Проницательный наблюдатель Ричард Рорти пишет в своей известной книге «Философия и зеркало природы»: «Я не думаю, что все еще существует нечто такое, что можно определить как “аналитическая философия”» [18, р. 172]. Он связывает это с тем фактом, что философия, называющая себя «аналитической», во многих академических

кругах приобрела статус философского истеблишмента⁵. Движение утратило внутри себя свой прежний революционный этос. Оно больше не является философией, борющейся против предрассудков и заблуждений, на что когда-то претендовал логический позитивизм. В определенной мере оно само стало идолом, самодовольно царствующим в ожидании новых иконоборцев.

Я постараюсь немного прояснить эту запутанную картину.

Х

«Полагаю, что логика есть нечто основополагающее для философии», — написал Рассел в автобиографической заметке 1920 года [20, р. 359]. Вклад Рассела во второе рождение и развитие логики составляет целую эпоху. Из членов Венского кружка значительные логические достижения были у Карнапа, не говоря уже о Геделе, который принадлежал к кружку только наполовину.

Является ли логика разделом аналитической философии? Безусловно, было бы неправильно так считать. Следует ли и дальше связывать логику с философией? Это не праздный вопрос. Новая «точная» логика имеет в качестве одного из своих источников исследование оснований математики и в наши дни, после нескольких десятилетий «философской турбулентности» демонстрирует тенденцию к возврату к своим математическим корням. Это можно считать еще одним из примеров того, как часть философии превращается в науку — будучи продвинутой ступенью выше.

Даже если логику нельзя считать ветвью аналитической философии, деятельность аналитических философов справедливо относить к логическим исследованиям. Под философской логикой я понимаю анализ понятий, специфических для самой логики, таких, к примеру, как совместимость и следование, и применение формально-логического аппарата для прояснения любых понятий, которые привлекают внимание философов.

В своей статье «Логический атомизм» Рассел утверждал, что среди наиболее важных задач философии стоит анализ таких понятий, как «разум», «материя», «сознание», «знание», «опыт», «причинность», «воля и время» [20, р. 379f]. Они не являются исключительно научными. Эти понятия играют определенную роль в повседневной речи и мышлении. Их разъяснение необязательно требует «формализации», осуществляемой средствами символической логики. Однако формальные методы оказались очень полезными для решения этой задачи. То же самое верно в отношении анализа концептуальных структур, связывающих человеческое действие с нормами и оценками. В этих применениях философской логики лич-

⁵ Меня поразил тот факт, что название «аналитическая философия», насколько мне известно, вошло в обиход относительно поздно в истории этого направления. Оно лишь постепенно вытеснило ярлык «логический позитивизм», который сохранялся довольно долго после того, как сам позитивизм перестал существовать. Этому терминологическому изменению, я думаю, во многом способствовали работы Артура Папа (1949 и 1955 гг.). Ранние кембриджские аналитики и члены Венского кружка настаивали на том, что их методом является (логический и концептуальный) анализ. Но они не использовали термин «аналитическая философия» как название для их нового стиля мышления. Новое название, можно сказать, отражает зарождающийся синкретизм движения.

но я вижу ядро того, что заслуживает название «аналитическая философия». Можно сказать, что оно продолжает существовать и объединяет в себе три традиции — кембриджскую школу анализа, Венский кружок и полеволенную философию обыденного языка.

Несмотря на свой синкретизм, философская логика не имеет исключительных притязаний на роль продолжательницы аналитической традиции. Имеются и другие заметные разновидности этого движения, которые со временем приобрели очень разносторонний характер.

XI

Вторая ветвь аналитической философии, тесно связанная, а иногда и сливающаяся с тем, что я обозначил как философскую логику, носит название философии науки. Своими корнями она уходит в философию Рассела, логических позитивистов и раннего Витгенштейна, а также в разнообразные более старые ориентированные на науку философские традиции и направления.

Венский кружок и аналогичные ему кружки в Центральной Европе главным образом интересовались физикой и математикой. В этих науках на рубеже столетий произошел грандиозный прорыв, но также возникли проблемы, которые волновали и философов, и ученых. В определенной мере эти проблемы все еще сохраняются. Между тем и другие науки благодаря своим потрясающим успехам привлекли к себе внимание и потребовали критического осмысления. Это верно, к примеру, в отношении наук о жизни. Более того, появились и заняли доминирующие позиции некоторые новые дисциплины. К этой группе относятся компьютерная наука, теоретическая лингвистика, наука о мозге и когнитивные исследования. Многие из них нагружены очень большим философским содержанием благодаря своей связи с логикой и традиционной философией сознания.

Следует здесь отметить две особенности современной философии науки. Во-первых, осознание недостаточности формально-логических средств для прояснения некоторых ключевых идей, общих для всех наук. (По этой причине я различаю философию науки и философскую логику.) Примером могут служить идеи закона природы и научного объяснения. На заре аналитической философии считалось, что можно формально-логически представить первую из этих идей с помощью понятия универсальной импликации, а вторую — с помощью гипотетико-дедуктивной схемы охватывающего закона. Эти упрощенные схематизмы давно уже признаны недостаточными. Достоверное описание логики реальной научной практики должно учитывать разнообразные контекстуальные и прагматические ограничения, которые, в сущности, не поддаются формализации. Это верно также в отношении критериев подтверждения научных гипотез и диахронических явлений при смене теорий (в понимании Куна, Снида и Штегмюллера).

Отказ от формальных методов и пристальное внимание к научной практике подводят к вопросу о том, насколько полученные таким образом результаты имеют отношение к философии. Ответ зависит от терминологического решения. В немецком языке вошел в оборот термин *Wissenschaftstheorie*. Он имеет иные коннотации, чем термин *Wissenschaftsphilosophie*. Многое из того, что по-английски называется *philosophy of science* (филосо-

фия науки), я склонен считать принадлежащим к самостоятельной «науке или теории науки», а не к философии — как аналитического, так и более традиционного вида.

Вторая черта научно ориентированной философии, которую я хотел бы здесь отметить, довольно сильно отличается от первой. Я имею в виду тенденцию искать скрытые глубинные структуры для объяснения или понимания видимых поверхностных структур. Впервые эта тенденция нашла свое яркое выражение в «Трактате» Витгенштейна. Ее возрождением стала «картезианская лингвистика» Хомского, в которой постулируются врожденные синтаксические структуры в целях постижения того, как приобретается ребенком лингвистическая компетенция. В более поздней философии языка, отчасти под влиянием Хомского, эта тенденция находит новое выражение в виде идеи врожденного универсального ментального языка, названного также «ментализ», который постулируется для объяснения способности человека усваивать свой родной язык [6]. «Чтобы научиться говорить, ребенок должен уже владеть языком», — мог бы кто-то язвительно заметить. Но этот «первичный» (primeval) язык, подобно идеальному языку Витгенштейна, состоящему из сцепленных имен, находящихся в изоморфном отношении к соединенным вещам, безусловно является «призрачной» (never-never) конструкцией, априорным требованием, которое ускользает от эмпирической проверки.

В современной философии сознания получили распространение сходные идеи и в отношении других ментальных функций, например восприятия, памяти и мышления. Учитывая уничтожающую критику, которой Витгенштейн подверг свои прежние попытки раскрыть трансцендентальные предпосылки языка и мышления, мне это «повторное погружение в спекуляции» представляется странным, даже внушающим беспокойство. Иногда складывается впечатление, что философия, поставившая перед собой задачу «Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache» («устранения метафизики логическим анализом языка»), стала в некоторых своих поздних вариантах даже более метафизически нагруженной и спекулятивной, чем все остальные современные философские направления, заслуживающие серьезного к себе отношения.

XII

Наряду с философской логикой, философией и теорией науки следует также упомянуть о направлениях современной мысли, которые в силу их исторического происхождения, если не по каким-то иным причинам, можно отнести к разновидностям аналитической философии. Иногда эти направления имеют в виду, говоря о «прагматическом повороте» в философии. Мы уже отмечали, что прагматизм был своего рода американским аналогом кембриджской и венской школ аналитической философии. Современный «прагматический поворот», к тому же, можно охарактеризовать как результат наложения влияний, идущих от Пирса и позднего Витгенштейна. Главным связующим звеном стал Куайн в его поздние годы после публикации «Слова и объекта» в 1960 году. Молодой Куайн внес важный вклад в математическую и философскую логику. Из современных философов он, по моему мнению, самый выдающийся.

По поводу философской логики и теории науки иногда высказываются сомнения, следует ли их считать философией. При новой прагматист-

ской ориентации философии языка и философии сознания этот вопрос уже не возникает. Прагматическое направление в рамках аналитического движения, если допустим такой ярлык для столь разнородного пучка явлений, несомненно, является философией. Однако что можно поставить под вопрос, так это правомерность применения к этой философии названия *аналитическая*.

«Анализ» означает разбиение, расщепление целого или совокупного на отделенные друг от друга части. Взгляд, согласно которому характеристики целого следует объяснять на основе особенностей их частей, часто называют меристическим, от греческого слова *μερος*, которое означает часть. Взгляд, согласно которому свойства и функции частей следует объяснять ссылкой на целое, называют холистским, от греческого *ολος*. Логический атомизм Рассела и раннего Витгенштейна относится к типично меристической философии. Философия же позднего Витгенштейна, как отмечалось не раз, является явно холистской по своему характеру. В ней нет стремления найти фундамент знания или мышления в неких концептуальных «атомах», не поддающихся дальнейшему анализу, нет поиска окончательного оправдания всех истинных верований. Возможность языка не нуждается в объяснении; факты языкового употребления и вырастающие из него «головоломки» следует рассматривать как особенности форм жизни, свойственные для «естественной истории человека». На фоне этого изменившегося представления Витгенштейна о философском исследовании становится, по-моему, более понятной и его идея философии как деятельности, а не учения.

Холистский подход к философским проблемам поощряет воззрения, которые в общем можно назвать релятивистскими. Концептуальные различия, представлявшие старшему поколению аналитических философов четкими и однозначными, размываются или подвергаются сомнению. Примером может служить аналитико-синтетическое различие, которое Куайн проблематизировал в своей давней и знаменитой статье [14]. Последующими шагами на пути к релятивизму стали тезис Куайна о неопределенности перевода и разнообразные представления о контекстуальной зависимости референции языковых выражений. Все это имело последствия и для понятия истины. Корреспондентная теория, которая прежде была догмой реалистических философов и которую, по мнению многих, поднял до небывалого уровня точности Тарский в своей семантической теории, начала уступать место возрождающимся вариантам когерентной теории истины, традиционно связываемой с идеалистической философией [см. 17]. Опровержение идеализма Расселом и Муром, ознаменовавшее самое начало аналитического движения в философии, больше не является общепризнанным догматом веры. Мышление и мир нельзя столь четко разделить, как это представлено в «Трактате» Витгенштейна. Аргументы за и против идеализма вновь уравнивают друг друга в философских дебатах.

Пока мы стоим на той точке зрения, что существует объективная реальность, есть надежда, что наши разногласия в конце концов будут преодолены благодаря постепенному приближению к истине. Иное дело, если мы признаем возможность концептуально несоизмеримых воззрений. Тогда альтернативные и равно претендующие на истинность утверждения необязательно отсылают к одной и той же реальности. Этот вид относительности породил оживленный спор в современной культурной антропологии. «Понимание чуждых культур» стало философской проблемой, а вместе с тем и основой для трактовки рациональности [33; 34]. За новыми

подходами к разрешению отчасти старых разногласий почти всегда трудно увидеть разнообразные проявления влияния позднего Витгенштейна. Однако все эти области очень далеки от того, что было бы оправданно назвать «аналитической философией».

ХIII

Сказанное в последних четырех разделах статьи призвано пролить свет на «кризис идентичности» в аналитическом движении. На вопрос, что же сегодня считать аналитической философией, ответить непросто. Во многих случаях *генетическая* связь с Кембриджем или Веной является единственным критерием.

Последние тридцать лет среди философов, воспитанных в аналитической традиции, наблюдается значительный рост числа работ, посвященных истории философии. В этом направлении прежде всего обращают пристальное внимание на аргументы и идеи ряда отдельных философов, таких как Аристотель, Декарт, Кант и британские эмпирики XVIII века, которых можно считать отдаленными предшественниками аналитической философии. Сюда же можно также отнести заметное возрождение среди философски настроенных логиков интереса к средневековой схоластической традиции от Ансельма до Уильяма Оккама. Средства, разработанные в рамках логико-аналитического философского течения, оказались очень эффективным инструментом для более глубокого понимания прошлой истории данного предмета. В то же самое время в этом «ретроспективном повороте» можно усмотреть знак усталости и ослабления энтузиазма в завоевании неизведанных земель, которое когда-то воодушевляло приверженцев «новой философии». Нет больше и общего стремления положить конец неудовлетворительному состоянию традиционной философии, о котором писал Рассел в 1914 году. Скорее можно говорить о возрождающемся чувстве благоговения перед великим прошлым философии.

Запутанный и синкретичный характер современной глобальной цивилизации также создает трудности для обнаружения в нынешнем философском ландшафте течений мысли, которые определенно не были бы «аналитическими». В целях сравнения я все же выделю два философских направления, которые, в моем представлении, выражают дух, отличный или даже противоположный тому, что я понимаю под «аналитической философией». Эти два течения взаимосвязаны и, более того, они связаны с теми из поздних течений мысли, которые обычно относят к «аналитическим».

Первое из них — это герменевтическое направление. «Герменевтика» означает интерпретацию, понимание значения. Феномены, которые направлены на что-то или означают что-то, мы называем интенциональными. К ним принадлежат все артефакты и проявления человеческой культуры, а противостоят им природные вещи и события, которые сами по себе ничего не значат.

Это различие между интенциональными и неинтенциональными феноменами ответственно за соответствующее разделение наук. В немецком языке оно выражается терминами *Geisteswissenschaften* и *Naturwissenschaften*. Первое понятие трудно перевести⁶. Термин «гуманитарные науки», види-

⁶ Фон Вригт говорит о переводе на английский язык. На русский язык этот немецкий термин переводится как «науки о духе». — *Примеч. пер.*

мо, слишком широк. Более близким является понятие «науки о культуре» (Kulturwissenschaften). Упор на различии в природе двух типов наук идет вразрез с идеей единства науки, которая с большим энтузиазмом провозглашалась логическими позитивистами и до сих пор, видимо, принимается большинством научно ориентированных аналитических философов. Различия во взглядах на природу наук в свою очередь отражают различия в общефилософской ориентации.

Герменевтическое направление в современной философии можно считать возрождением неокантианства Баденской школы, представителями которого были Риккерт и Виндельбанд, но прежде всего это возрождение идей Дильтея. Герменевтика приобрела новые контуры благодаря ее наиболее выдающемуся современному стороннику Гансу-Георгу Гадамеру. Его влияние ощущается также в англосаксонских и латинских странах. С распространением на новые территории данное направление утратило, однако, часть своих изначально отличительных черт. Не всегда бывает понятно, кого следует считать «аналитиком», а кого — «герменевтиком»⁷. Это относится, например, к группе философов, с которыми меня многое роднит и которых часто называют «неовитгенштейнианцами». Среди них следует упомянуть Чарльза Тейлора и Питера Уинча.

Герменевтика — это холистский тип философии. Холизм герменевтиков отличается, впрочем, от холизма философов прагматистской ориентации, таких, как Куайн, Селларс или Дэвидсон. Философия первых несет на себе гуманистический отпечаток, вторых же — натуралистический.

Герменевтическая философия стремится понять человека как создание культуры, как социоисторическое существо. Эту свою цель она разделяет с другим типом философии, в котором пристальное внимание уделяется росту, посредством философской рефлексии, самосознания человека, а также критическому анализу общественных условий, в которых он живет. Классическим примером такой «праксис-релевантной» философии, конечно же, служит марксизм. Ответвлением от марксизма можно считать критическую теорию Франкфуртской школы. Ее ведущим представителем является Юрген Хабермас. Его философия — это критика цивилизации, характерной для западных индустриальных обществ, и ее влияния на весь остальной мир. Этосом этой цивилизации стала вера в прогресс, осуществляемый посредством науки и технологии. Аналитическая философия с самого начала одобряла и способствовала укреплению этого «духа современности». В целом она остается ему верна. По этой причине ее также обвинили — не совсем несправедливо — в том, что она содействовала упрочению установившегося социально-политического порядка. Этому обвинению не противоречит тот факт, что типичные представители аналитической фи-

⁷ В работе [31] я предложил выделить внутри герменевтического направления диалектическую и аналитическую ветви. Op. cit., p. 182f: «С должной осторожностью можно провести различие между философами-герменевтиками *диалектической* и *аналитической* ориентации. Термин «герменевтическая философия» можно использовать как общее название для обеих тенденций. Это послужило бы более четкому различению между аналитической философией, восходящей к позднему Витгенштейну, и аналитической философией, развиваемой в рамках позитивизма и логического эмпиризма. Со временем такой подход окажется, вероятно, более справедливым для характеристики тенденций в современной мысли, чем отнесение философии Витгенштейна к «аналитической» и рассмотрение континентальной герменевтической философии как варианта феноменологии» (цит. по: *Вригт фон Г. Х. Логико-философские исследования*. Избр. труды. М., 1986 С. 212).

лософии как индивиды часто занимали критическую позицию по социальным и политическим вопросам своего времени. Но их критическая позиция не связана напрямую с их философией. Мне знакомо это саморасщепление по собственному опыту. И о Витгенштейне можно сказать, что его жесткая критика современной западной цивилизации и эсхатологические взгляды на мир мало согласуются с его философией.

XIV

Картина аналитической философии, которую я попытался нарисовать, становится все более запутанной и необозримой по мере приближения к настоящему моменту. В итоге она образует нераздельное целое с общей картиной современной философии. В отношении некоторых ответвлений на аналитическом «стволе» справедливо сказать, что они встали на «надежный путь науки», но часто это достигалось ценой утраты ими философской значимости. В отношении некоторых других направлений ни у кого не возникает вопроса, являются ли они философией, но кто-то, возможно, сочтет нужным отделить их от аналитической традиции, несмотря на их происхождение. И среди этих последних направлений много неоднородных.

Некоторые критики современности полагают, что история западной философии, насчитывающая два с половиной тысячелетия, завершилась еще более радикальным разрывом с прошлым, чем тот, который был провозглашен представителями аналитической философии на заре ее возникновения. Они утверждают, что мы достигли конца в нашем плутающем поиске незыблемых оснований знания и картины мира, правдиво отражающей «подлинную реальность». Поиск потерпел неудачу, не достигнув своей цели, и эта неудача ведет к «декомпозиции» всей прошлой философской традиции. Если это так, то аналитическая философия была одним из тех факторов, которые внесли в это свою лепту. Я имею в виду как тех, кто, подобно Расселу и членам Венского кружка, хотел сделать философию «научной», так и тех, кто в духе Витгенштейна воспринимал ее как деятельность, нацеленную на демонстрацию собственной ненужности. И те и другие потрудились над тем, чтобы поворот (Wende) философии стал концом (Ende) в развитии всего этого предмета, — хотя произошло это и не так, как предсказывал Шлик, полагавший, что философия будет больше ненужной, поскольку мы сможем научиться говорить обо всем «осмысленно и ясно».

Сам я, возможно, настолько глубоко привязан к просвещенческой традиции модерна, что не способен принять эти «постмодернистские» перспективы. Но вместе с тем считаю, что нельзя с легким сердцем отвести их в сторону. Потому что убежден в следующем.

Мы живем во времена беспрецедентных изменений в культурной и социальной жизни человека. Потрясения в духовной сфере заставляют людей чувствовать себя потерянными в мире и отчаянно нуждающимися в ориентирах. Им предлагается поддержка с разных сторон — в виде ложных претензий на «древнюю мудрость» и суеверных учений о спасении, порой подаваемых в коварном научном обличье. Вольфганг Штегмюллер, неутомимый борец за возвращение — хотя бы на время — аналитической философии в Европу после того, как по ней прошла лавина иррационализма, говорит в предисловии к своей книге «Hauptströmungen der Gegenwartsphi-

losophie» о «семантическом загрязнении духовного окружения человека». Он видит в этом аналог разрушения и загрязнения физической среды, который становится угрозой для выживания человеческого рода. К его предостережению следует отнестись серьезно. Борьба со всеми формами затемняющего влияния слов на разум людей — вот высшая задача философии, как я ее понимаю, а это немало, учитывая мрак, охвативший наши времена.

Перевод с англ. Л. Б. Макеевой

Список литературы

1. Austin J.L. *Ips and Cans* // *Proceedings of the British Academy*. 1956. Vol. 42.
2. Black M. *Relations between Logical Positivism and the Cambridge School of Analysis* // *Erkenntnis*. 1939–1940. Vol. 8.
3. Black M. A. *Companion to Wittgenstein's TRACTATUS*, 1964.
4. Carnap R. *Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache* // *Erkenntnis*. 1931. Vol. 2.
5. Carnap R. *Logische Syntax der Sprache*. Wien, 1934.
6. Fodor J. *The Language of Thought*. N.Y., 1975.
7. Gellner E. *Words and Things, A Critical Account of Linguistic Philosophy and a Study in Ideology*. With an Introduction by Bertrand Russell. L., 1959.
8. Goodman N. *The Structure of Appearance*. Cambridge (Mass.), 1951.
9. Moore G.E. *The Nature and Reality of Objects of Perception*. Reprinted in *Moore G.E. Logical Studies*. L., 1922.
10. Moore G.E. *Wittgenstein's Lectures in 1930–33. I-III* // *Mind*. 1954–1955. Vols. 63, 64. Reprinted in *Moore G.E. Philosophical Papers*. L., 1959.
11. Moore G.E. *Lectures on Philosophy* / ed. by Lewy C.L. Allen & Unwin, 1966.
12. Pap A. *Elements of Analytic Philosophy*. N.Y., 1949.
13. Pap A. *Analytische Erkenntnistheorie*. Wien, 1955.
14. Quine W.V.O. *Two Dogmas of Empiricism*. Reprinted // *Quine W.V.O. From a Logical Point of View*. Cambridge (Mass.), 1953.
15. Ramsey F.P. *The Foundations of Mathematics and Other Logical Essays*. L., 1931.
16. Ramsey F.P. *Notes on Philosophy, Probability and Mathematics* / ed. by Galavotti M.C. Napoli, 1991.
17. Rescher N. *The Coherence Theory of Truth*. Oxford, 1973.
18. Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Oxford, 1980.
19. Russell B. *Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy*. Reprinted in *Russell B. Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy*. L., 1949.
20. Russell B. *Logical Atomism* // *Contemporary British Philosophy*. First Series. L., 1924.
21. Russell B. *Sceptical Essays*. N.Y., 1928.
22. Russell B. *The Philosophy of Bertrand Russell* / ed. by Schilpp P.A. // *The Library of Living Philosophers*. N.Y., 1944.
23. Russell B. *My Philosophical Development*. L., 1959.
24. Schlick M. *Die Wende der Philosophie* // *Erkenntnis*. 1929. Vol. 1.
25. Schlick M. *Philosophical Papers* / ed. by Mulder H. Velde-Schlick van de B.F.B. Dordrecht. Reidel Publishing Co., 1979.
26. Stegmüller W. *Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie*. Stuttgart, 1979.
27. Stenius E. *Wittgenstein's 'Tractatus'*. Oxford, 1960.
28. Waismann F. *Was ist logische Analyse?* // *Erkenntnis*. 1939–1940. Vol. 8.
29. Waismann F. *Logik, Sprache und Philosophie* / ed. by Baker G.P. and McGuinness B.F. Stuttgart, 1976.
30. *Wittgenstein und der Wiener Kreis* / ed. by McGuinness B.F. Frankfurt am Main, 1967. In English: *Wittgenstein and the Vienna Circle* / ed. by McGuinness B.F. Oxford, 1979.

31. Wright von G.H. *Explanation and Understanding*. L. : Routledge & Kegan Paul, 1971.
32. *The Philosophy of Georg Henrik von Wright* / ed. by Hahn L. and Schilpp P. A. // *The Library of Living Philosophers*. Chicago, 1989.
33. *Cultural Relativism and Philosophy* / ed. by Dascal M. Leiden, 1991.
34. *Rationality and Relativism* / ed. by Hollis M. and Lukes S. Oxford, 1982.
35. *The Revolution in Philosophy* / ed. by Ayer A.J. [et al.] With an Introduction by Ryle G. L., 1956.
36. *Der Wiener Kreis der wissenschaftlichen Weltauffassung*. Herausgegeben vom Verein Ernest Mach. Wien : Artur Wolf Verlag, 1929. *The Scientific Conception of the World: The Vienna Circle*. Dordrecht : D. Reidel, 1973.
37. Остин Дж. «Если» и «могу» // Остин Дж. Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб., 2006.
38. Райл Г. Понятие сознания. М., 2000.

References

1. Austin, J.L. 1956, *Ifs and Cans*, *Proceedings of the British Academy*, no. 42.
2. Black, M. 1939–1940, *Relations between Logical Positivism and the Cambridge School of Analysis*, *Erkenntnis*, no. 8.
3. Black, M. A. 1964, *Companion to Wittgenstein's TRACTATUS*.
4. Carnap, R. 1931, *Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache*, *Erkenntnis*, no. 2.
5. Carnap, R. 1934, *Logische Syntax der Sprache*, Wien.
6. Fodor, J. 1975, *The Language of Thought*, N. Y.
7. Gellner, E. 1959, *Words and Things, A Critical Account of Linguistic Philosophy and a Study in Ideology*, London.
8. Goodman, N. 1951, *The Structure of Appearance*, Cambridge (Mass.).
9. Moore, G.E. 1922, *The Nature and Reality of Objects of Perception*, London.
10. Moore, G.E. 1954–1955, *Wittgenstein's Lectures in 1930–33. I-III*, *Philosophical Papers*, no. 63, 64.
11. Moore, G.E. 1966, *Lectures on Philosophy*, Allen & Unwin.
12. Pap, A. 1949, *Elements of Analytic Philosophy*, N. Y.
13. Pap, A. 1955, *Analytische Erkenntnistheorie*, Wien.
14. Quine, W.V.O. 1953, *Two Dogmas of Empiricism*. Reprinted. In: Quine, W.V.O. *From a Logical Point of View*, Cambridge (Mass.).
15. Ramsey F.P. *The Foundations of Mathematics and Other Logical Essays*. L., 1931.
16. Ramsey F.P. *Notes on Philosophy, Probability and Mathematics* / ed. by Galavotti M.C. Napoli, 1991.
17. Rescher N. *The Coherence Theory of Truth*. Oxford, 1973.
18. Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Oxford, 1980.
19. Russell, B. 1949, *Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy*, London.
20. Russell, B. 1924, *Logical Atomism*. In: *Contemporary British Philosophy*, First Series, London.
21. Russell, B. 1928, *Sceptical Essays*, N. Y.
22. Russell, B. 1944, *The Philosophy of Bertrand Russell*. In: Schilpp, P.A. (ed.), *The Library of Living Philosophers*, N.Y.
23. Russell, B. 1959, *My Philosophical Development*, London.
24. Schlick, M. 1929, *Die Wende der Philosophie*, *Erkenntnis*, no. 1.
25. Schlick, M. 1979, *Philosophical Papers*, Reidel Publishing Co.
26. Stegmüller, W. 1979, *Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie*, Stuttgart.
27. Stenius, E. 1960, *Wittgenstein's 'Tractatus'*, Oxford.
28. Waismann, F. 1939–1940, *Was ist logische Analyse?* *Erkenntnis*, no. 8.
29. Waismann, F. 1976, *Logik, Sprache und Philosophie*, Stuttgart.
30. McGuinness, B.F. (ed.), 1967, *Witgenstein und der Wiener Kreis* [Wittgenstein and the Vienna Circle], Frankfurt am Main.

31. Wright, G.H. von 1971, *Explanation and Understanding*, London, Routledge & Kegan Paul.
32. Hahn, L. Schilpp, P. A. (eds.), 1989, *The Philosophy of Georg Henrik von Wright*. In: *The Library of Living Philosophers*, Chicago.
33. Dascal, M. (ed.), 1991, *Cultural Relativism and Philosophy*, Leiden.
34. Hollis, M. Lukes, S. (eds.), 1982, *Rationality and Relativism*, Oxford.
35. Ayer, A.J. et al. (eds.), 1956, *The Revolution in Philosophy*, London.
36. *Der Wiener Kreis der wissenschaftlichen Weltauffassung* [The Scientific Conception of the World: The Vienna Circle], 1929, Verein Ernest Mach, Wien, Artur Wolf Verlag.
37. Austin, J. 2006 , «Eсли» i «mogu» ["If" and "I can"]. In: Austin, J. *Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty* [Three ways to shed ink. Philosophical works], Saint Petersburg.
38. Ryle, G. 2000, *Ponjatie soznaniija* [The concept of consciousness], Moscow.

О переводчике

Лолита Брониславовна Макеева – д-р филос. наук, доц. кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ-ВШЭ, lmakeeva@hse.ru, l.makeeva@mail.ru

About the translator

Prof. Lolita Makeeva, Department of Ontology, Logic, and Epistemology, Faculty of Philosophy, State University – Higher School of Economics, lmakeeva@hse.ru, l.makeeva@mail.ru